

ПОРТРЕТЫ

БУРЯТЫ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

М.С. Романова

Кафедра федеративных и национальных отношений
Российская академия государственной службы
просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье рассматривается проблема идентичности разделенного этноса и оценивается ее потенциал к политической мобилизации.

Ключевые слова: Россия, Китай, Монголия, бурят-монгольский этнос, монгольский ястан, этническая культура.

Буряты являются одним из современных разделенных народов, представители которого проживают на территории России, Монголии и Китая. Но этнос, как известно, экстерриториален. Являясь не политической, но этносоциальной общностью, этнос способен сохранять свое единство даже оставаясь разделенным государственными границами. Насколько существенны различия между тремя его частями? Как расценивается «бурятский» фактор политическими кругами Китая и Монголии? Является ли разделенность этого «окраинного», приграничного народа фактором риска для безопасности России, сохранения целостности государства? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

История.

Разделение бурят-монгольского этноса началось со времен колониального движения России на Восток. Земли Ар Монгол (Северная Монголия, территория этнической Бурят-Монголии) были уступлены Китаем России по Нерчинскому договору 1689 г. К тому моменту, столкнувшись с русскими казаками, первые группы бурят-монголов уже откочевали в монгольские степи из Предбайкалья. В 20-е гг. XVIII века к ним присоединилась группа хори-бурят, оказавшаяся отрезанной от основной части этноса в результате проведения русско-монгольской границы. В силу ряда исторических обстоятельств, линия границ устанавливалась приблизительно. Не только народы, но и отдельные семьи оказывались по ее разные стороны. Однако вплоть до 1929 г. границы оставались проницаемыми, что способствовало продолжению миграции бурятского населения (из России и в Россию), которая растянулась на несколько столетий.

По данным немецкого историка Хейзинга, к середине XVIII в. несколько тысяч бурят откочевали в Китай и поселились в Барге [11. Р. 5]. В начале XX века основной причиной эмиграции стала столыпинская реформа в России, в результате которой тысячи кочевников потеряли свои пастбища. Буряты эмигрировали в основном в монгольские степи в поисках пастбищ, однако скотоводами-кочевниками эмиграция не исчерпывалась. После отделения Монголии от Китая в 1911—1912 гг. туда начали эмигрировать бурятские общественно-политические деятели, ученые и представители творческой интеллигенции. В 20—30-е годы, убягая от пожара гражданской войны и коллективизации, сотни состоятельных семей присоединялись к тем, кто уже откочевал в Баргу, территориально принадлежащую Китайской Республике. Вынужденными эмигрантами в 30-е гг. становились сотни лам (буддийские монахов).

Важно отметить, что переселение в Монголию в силу прежде всего культурной близости и отсутствия языкового барьера не рассматривалось мигрантами как эмиграция. Принимающая сторона также была заинтересована в основном в состоятельных и/или образованных мигрантах. В 1921 г. вопрос свободы перемещения для российских бурят-монголов был одним из восьми требований Народного правительства Монголии к Советской России, с которым большевики согласились [9. С. 276—278]. В 1924 г. стороны подписали договор, позволивший бурятам-переселенцам получить монгольское подданство. К тому времени, по данным монгольских историков, их было около 35 тыс. человек [13. С. 193—216]. Ряд авторов отмечают, что эмиграция бурят в Южную Монголию (КНР) продолжалась и в период Второй мировой войны [3. С. 5].

После распада СССР, в 90-е годы часть «китайских» бурят вернулась на историческую родину в Агинский автономный округ. Но уже через несколько лет поток реэмиграции иссяк. Основной причиной тому стал не всегда успешный опыт первых мигрантов, которым было сложно преодолеть языковой барьер (имеется в виду трудности в освоении русского языка, особенно для пожилых людей), без чего нельзя получить российское гражданство. Не менее значимым фактором, удерживающим бурят в автономном районе «Внутренняя Монголия» (АРВМ), стали экономические реформы, развернувшиеся в КНР с 1980-х годов.

Таким образом, буряты оказались разделенным народом, проживающим на территории трех государств.

Различия.

По данным всероссийской переписи 2002 года, в России сегодня проживает 445 тыс. бурят: большинство из них (более 80%) — в Республике Бурятия (РБ) и бывших бурятских автономных округах в Иркутской и Читинской областях. Менее 20% живут в разных регионах страны, в том числе в Москве и в Санкт-Петербурге. Около 7 тыс., а по некоторым данным до 10 тыс. бурят проживают на территории Хулун-Буйрского аймака АРВМ КНР [3. С. 7]. Численность бурятского населения Монголии по-разному оценивается официальной статистикой и независимыми экспертами. По официальным данным, в стране проживает около 41 тыс. бурят, по данным экспертов — от 60 до 70 тыс. Такое расхождение

в цифрах отчасти связано с тем, что в стране не ведется строгий учет численности разных этнических групп, что, по всей видимости, является отражением своего рода политической неактуальности такового. В ходе переписи населения многие граждане в графе «национальность» указывали «монгол», не уточняя к какому ястан (букв. «кость», здесь этническая группа) они принадлежат.

Буряты, как и другие монгольские ястан (всего 28), представляют собой одну из этнических групп монгольской нации (монгол ундэстэн), которой свойственен довольно высокий уровень гражданской идентичности, как правило, превалирующий над идентичностью этнической. Такого мнения, в частности, придерживается чешский этнограф Ш. Збигнев, несколько лет изучающий бурят Монголии. В одной из статей он пишет, что «для большинства бурят этническая идентичность является второстепенной по отношению к национальной идентичности осознания себя монголами» [6. С. 84]. Он подчеркивает, что Монголия является специфически многонациональным государством: все (кроме казахов) этнические группы страны являются монгольскими и находятся между собой в культурном и языковом родстве, исповедуют одну религию. Это означает, что тем же бурятам не приходится выбирать гражданскую идентичность в ущерб этнической: первая содержит в себе компонент второй.

У российских бурят наблюдается другая картина. По данным И.Э. Елаевой, этническая идентичность в групповой структуре идентификационных предпочтений бурят РБ представлена почти в два раза выше, чем идентичность гражданская. К такому выводу автор пришла исходя из анализа результатов исследований, проведенных ею в республике в 1996—1997 гг. и 2002—2003 гг. Так, например, результаты, полученные в 2002 г. показали, что свою общность с гражданами России чувствовали лишь 12,2% опрошенных, в то время как с людьми своей национальности — 67,8%, с людьми той же веры — 59,1%. Другие этносоциологические исследования были проведены И.Э. Елаевой в Усть-Ордынском бурятском округе. «Если в 1990 г., — пишет она, — ни один из респондентов в округе не указал этническую принадлежность среди ответов на вопрос „Кто Я?“, то в 1997 г. категория «бурят» фигурировала у четверти опрошенных». Резюмируя, исследовательница отмечает: «Этническая идентичность среди современных российских бурят, безусловно, доминирует над гражданской» [2. С. 129—131].

Как пишет Д. Бороноева, несколько лет изучающая бурят в Китае, «в идентификационной матрице шэнэхэнских бурят (названных так по месту проживания в АРВМ) этническая идентичность занимает большое место» [4. С. 112]. Данные, полученные автором статьи в ходе полевой работы, подтверждают это мнение — опрошенные эксперты считают, что большинство шэнэхэнцев ощущают себя больше бурятами и монголами, нежели гражданами Китая. Позиции этнической (как бурятской, так и монгольской) идентичности поддерживаются как самим фактом проживания группы в инокультурной среде, так и обособленностью, относительной изолированностью бурятской диаспоры в Китае. Как известно, Поднебесной всегда была свойственна политика разделения «варваров» от этнического ядра государства — ханьцев. Вплоть до 1913 г. китайцам запрещалось селиться в мон-

гольских степях, жениться на монголках. Эта традиция во многом сохранилась до сих пор. Большинство «китайских» бурят живет в сельской местности и мало соприкасается с хань. Однако освоение запасов полезных ископаемых, расположенных на территории АРВМ, распашка пастбищ, привело к опустыниванию земель, на которых уже невозможно пасти скот. Это приводит к вынужденной миграции монголов в города, смене деятельности и увеличению темпов аккультурации. Впрочем, сама по себе аккультурация вряд ли приведет к быстрому росту гражданской идентичности в ущерб этнической. Вместе с тем при смене поколений, т.е. через 20—25 лет, когда вырастут буряты, рожденные в городах с преобладанием китайского населения и закончившие китайские школы, тренд может существенно измениться.

Представительство во власти.

Китайские буряты значительно уступают российским и монгольским по уровню образования и представительства в органах власти. Последнее, прежде всего, связано с малочисленностью бурят в КНР, а также с отсутствием своей национально-территориальной или национально-культурной автономии. Впрочем, в Монголии отсутствие автономии не мешает бурятам влиять на политические и экономические процессы в стране, а наличие таковой у российских бурят не дает им как титульному народу каких-то особенных законодательно закрепленных преференций.

Вместе с тем необходимо отметить, что сравнительно менее образованные «китайские» буряты наиболее полно сохранили традиции и фактически продолжают жить в рамках своей этнической культуры. Так, Д.Ц. Бороноева подчеркивает, что шэнэхэнцы, считающие российских бурят обрусевшими, сами находятся в процессе начальной аккультурации (синизации), чего нельзя сказать о бурятах РФ, в течение долгих десятилетий бывших частью деэтнизированной «советской общности».

Российские буряты, по сравнению с другими этническими меньшинствами страны, политически и социально наиболее интегрированы в российскую действительность, и, по мнению С. Панарина, даже выработали собственную, вполне успешную этническую стратегию адаптации, обозначенную исследователем как модель этносоциальной мобильности [7. С. 213].

Уже почти два десятилетия на выборах разных уровней бурятские сомоны Монголии голосуют за демократов, несмотря на потерю преференций (таких например, как первоочередная электрификация и газификация поселков), чего не случилось бы, если бы они поддержали правящую Монгольскую народно-революционную партию (МНРП). Отчасти это связано с тем, что одним из первых лидеров демократического движения в стране был трагически погибший этнический бурят Зориг. В свое время Зориг получил поддержку земляков, в том числе как представитель бурятского сомона. Вместе с тем, по мнению ряда монгольских экспертов, поддержка бурятами демократов объясняется историческим опытом этой этнической группы, испытавшей на себе все тяготы коммунистического режима. По официальным данным, в 1930-е годы более 12 тыс. монгольских бурят были расстреляны по политическим приговорам [6. С. 80—81].

Один из участников экспертного опроса, проведенного автором среди монгольских бурят, рассказал о бытующей в политических кругах поговорке, авторство которой приписывается активистам, стабильно проигрывающей в бурятских сомонах, МНРП: «Буряты проголосовали бы и за барана, лишь бы он был демократом» [14]. Как видно из поговорки, являющейся своего рода примером монгольского политического фольклора, речь идет не об этнической солидарности, а о политических предпочтениях. Исходя из этого и ряда других фактов, можно сделать вывод, что в отличие от российских бурят монгольские представители этого народа не придерживаются особой этнической, а вернее субэтнической, адаптационной стратегии, не первый раз голосуя против правящей партии. Демократов в стране поддерживают разные этнические группы, в том числе по причине того, что их лидеры, среди которых много этнических бурят-монголов, не ставят перед собой каких-то особенных, противоречащих общенациональным интересам целей.

Интерпретации.

Насколько существенны различия между тремя частями когда-то единого целого? На мой взгляд, достаточно ощутимы в том, что касается принятых социальных и политических практик, уровня владения этнической культурой, структуры идентичности. Вместе с тем в Китае, Монголии и в России проживают представители одних и тех же бурятских групп, которые сохранили или недавно восстановили семейно-родственные связи. Четыре года назад на Бурятском государственном телевидении даже была запущена программа, аналогичная выпускаемой Первым российским каналом передаче «Жди меня». В бурятском варианте наиболее популярен и востребован поиск родственников именно в Монголии. На сегодня программа уже соединила десятки потерявших друг друга родственников и сохраняет свою актуальность.

Вместе с тем, очевидно, что важны не только реальные отличия, но и их интерпретации, так как они различны. «Буряты — граждане Монголии, — пишет Д. Амоголонова, — вынуждены скрывать свою бурятскость» [1. С. 27]. Опрошенные автором монгольские буряты, проживающие в Улан-Баторе, не согласны с таким утверждением. На формальном уровне это подтверждается тем обстоятельством, что многие этнические бурят-монголы занимают в правительстве страны высокие посты. Общеизвестен тот факт, что президент Монголии Энхбаяр по своему происхождению является наполовину бурятом, о чем он заявил во время публичной лекции в Бурятском госуниверситете в Улан-Удэ. Вместе с тем в обыденном общении монголы часто недоумевают и раздосадованы тем, что «русские» буряты не владеют родным языком, традиционной культурой, в личном общении позволяют себе проявлять пренебрежение по отношению к образу жизни простых монголов. Один из участников проведенного автором статьи экспертного опроса отметил, что всех бурят монголы делят на монгольских и русских. Первые при этом считают своими. О группе «китайских» бурят в Монголии мало кто знает.

Начиная с 2000 г., на монгольских телеканалах и в прессе время от времени стали появляться репортажи из Республики Бурятия. По мнению опрошенных

экспертов, большинство таких сообщений имеют позитивную тональность, в которых говорится об отличиях, но акцент ставится на том, что объединяет, правда не части бурятского этноса, а скорее монгольские народы в целом — общие традиции, религия, историческое прошлое.

Общность.

Одной из характерных особенностей современного мира, названного известным английским социологом Зигмунтом Бауманом «текущей современностью», является переход от мира плотного, структурированного, обремененного целой сетью социальных условий и обязательств к миру пластичному, текучему, свободному от заборов и барьеров. В таком мире объединение этносов или его отдельных частей (этнических групп, диаспор), как правило, не требует существующих жестко определенных государственных границ и также подразумевает их отмену. Оно может происходить и уже происходит вне официальных каналов, на уровне культурного взаимодействия и сотрудничества, общественных и научных инициатив, частных контактов между гражданами разных государств. Одним из наиболее действенных культурных инструментов объединения разных частей исследуемого этноса стал фестиваль Алтаргана, инициированный монгольской стороной. Начавшись с конкурса бурятской песни, он получил официальную, в том числе финансовую поддержку правительства страны. Очень скоро инициатива переросла в международный форум бурят Монголии, России и Китая. Сегодня Алтаргана проводится каждые два года поочередно в России и Монголии, собирая тысячи людей.

Свою лепту в развитие отношений вносит туризм и учебная миграция. За последние пять лет в РБ в три раза возросло число фирм, предлагающих туры в Монголию и Китай. Эксперты отмечают интерес со стороны монгольского и китайского (главным образом это научные центры в АРВМ) научных сообществ к событиям в Бурятии. В Бурятском госуниверситете открылся восточный факультет, с монгольским, китайским и японским отделениями. Растет число российских студентов, получающих образование в Монголии и вузах АРВМ. В последние пять—десять лет наметилась тенденция немассовой, но регулярной учительской миграции из Бурятии в Монголию. Исследователи связывают это, с одной стороны, со стремительным ростом числа частных образовательных учреждений в Монголии, с другой — с «выталкиванием» мигрантов из стран с низким уровнем оплаты труда, высоким уровнем безработицы, задержками выплаты зарплаты [8. С. 43].

Нельзя не сказать о пока еще не массовом, но довольно действенном инструменте виртуального объединения этноса, посредством которого было сформировано единое информационное поле — своего рода бурят-монгольское интернет-пространство. Его главной площадкой еще в начале 2000-х годов стал сайт бурятского народа www.buryatia.org, где ведутся дискуссии на самые разные темы, так или иначе касающиеся этноса. Помимо новостей из РБ, на сайте публикуются новости монгольского информагентства «Монсамэ», китайских агентств, которые модераторы форумов переводят на русский язык. Часть форумов имеет

двуязычный — русский и монгольский контент. Здесь часто происходят острые дискуссии вокруг объективно существующих, а также предписываемых различий между разными частями этноса. Не будет преувеличением сказать, что интернет предоставил ранее немислимые возможности для общения, которое объединяет главным образом молодых пользователей, обладающих разным социальным опытом, живущих в разных государствах.

Ирредентизм.

Является ли разделенность бурят, в той или иной степени содержащая в себе интенцию к ее преодолению, фактором риска для сохранения целостности российского государства? Как показывает анализ имеющихся мнений, ответ на данный вопрос во многом зависит от того, преследует ли оценивающий проблему какие-то конкретные политические цели. Например, в региональных российских СМИ (имеется в виду пресса РБ, Иркутской и Читинской областей) проблемы потенциального бурятского ирредентизма, как правило, имеют характер предвыборного «обострения». Баллотировавшимся представителям этнической элиты, вне зависимости от их реальных политических взглядов и предпочтений, что называется, по определению предписывается приверженность сепаратизму. Вместе с тем опыт участия автора в избирательных кампаниях в выше названных регионах и многолетнее изучение социально-политического ландшафта республики указывает на отсутствие политических групп, ставящих перед собой цель отделения бурятского этнического локуса или его частей от России. В Бурятии существуют политические группы, разделяющие мнение о необходимости территориальной реабилитации республики в границах 1937 г. Однако речь идет об объединении бурятских территорий в рамках одной административной единицы Российской Федерации.

Как показывает международная практика последних лет, какой именно термин закрепляется за событиями, происходящими в той или иной стране — сепаратизм или стремление к суверенитету, зависит от политической целесообразности происходящего для соседних государств, особенно если на их территории проживают представители соответствующего этноса. Но для того, чтобы возникла ситуация для оценки событий, нужны не только внутренние основания — соответствующие настроения среди элиты, разделяемые сколько-нибудь значительной частью этноса, но и поддержка извне. Есть ли потенциал для такой поддержки у изучаемого этноса? Монголия, как и любая другая страна-сэндвич, зажата между двумя другими государствами, в данном случае Россией и Китаем, по понятным причинам стремится сохранять хорошие отношения с соседями и вряд ли пойдет на поддержку сторонников бурят-монгольского сепаратизма, даже если таковые появятся в монгольской политической среде.

Наиболее сложным для анализа представляется исследование настроений китайской элиты, как в силу закрытости самой политической системы, так и в связи с отсутствием собственно бурятских политических объединений или партий в бурятском этническом локусе в КНР. В китайских официальных источниках фактически нет ни одного упоминания о бурятах, которые традиционно восприни-

маются как часть монгольской нации. Подобного рода углубления в вопросы идентичности и стратификации народов в целом не приветствуются властями по политическим причинам. Самая важная из них кроется в межэтнической нестабильности, которая, несмотря на конституционные гарантии равных прав для всех граждан страны, усилия по сохранению и актуализации национальных языков, в частности, обеспечения их полноценного функционирования в качестве государственных, имеет место быть. Во время сбора материала для этой статьи к автору обратился корреспондент китайского бюро «Голоса Америки» с просьбой прокомментировать трагические события в Тибете весной прошлого года и акции поддержки, предпринятые в этой связи в РБ. Это был тот исключительный единичный случай, когда бурятская тема появилась в китайском информационном пространстве.

Что касается самих «китайских» бурят, то, по оценкам принявших участие в проведенном автором статьи опросе шэнэхэнских экспертов, проблема сепаратизма никогда даже не стояла на повестке дня. Эксперты считают, что она особенно неактуальна сейчас, когда целенаправленными усилиями правительства КНР китайский «дикий запад» активно развивается, постепенно повышается уровень жизни в регионах проживания китайских меньшинств, в том числе и бурят.

Завершая предпринятый краткий обзор проблемы разделенного этноса на примере бурят России, Монголии и Китая, можно констатировать, что три части этноса ощущают свою общность и в большинстве своем осознают себя одним народом, в их матрицах идентичностей наблюдаются некоторые различия, связанные главным образом с особенностями приобретенного ими социального опыта в государствах проживания. Добрососедские отношения между тремя государствами и не в меньшей степени процессы глобализации предоставили разнообразные возможности для своего рода виртуального объединения этноса, не требующего изменения государственных границ. Что касается так называемого бурятского сепаратизма, то пока он не имеет ни внутренней, ни внешней подоплеки и скорее является конструируемым концептом, используемым в качестве политического инструмента, нежели частью объективной социально-политической реальности. Вместе с тем данный обзор представляет собой «моментальный снимок», постоянно изменяющийся в условиях «текучей современности». Сохранение названных трендов будет зависеть от развития межгосударственных отношений, качества жизни в каждой из стран, успешности национальной (этнической) политики государств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Амоголонова Д.Д.* Образ Чингисхана в современном монгольском нациестроительстве // Вестник Бурятского университета, серия 18 «Востоковедение». — Вып. 3. — Улан-Удэ, 2006.
- [2] *Амоголонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д.* Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). — Иркутск: РПЦ «Радиян», 2005.
- [3] *Балданов С.Ж.* Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола.

- Улан-Удэ (15 октября 2007 г.), Хулун-Буир (13 декабря 2007 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. — С. 3—8.
- [4] *Бороноева Д.Ц.* Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000.
- [5] *Бороноева Д.Ц.* Специфика образа этнической самоидентификации бурят Внутренней Монголии КНР // Феноменология традиционности и современности. — Улан-Удэ, 2001. — С. 103—114.
- [6] *Збигнев Ш.* Бурятская диаспора в Монголии. Вопрос идентичности // Диаспоры в современном мире: материалы международного круглого стола. Улан-Удэ (15 октября 2007 г.), Хулун-Буир (13 декабря 2007 г.). — Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007.
- [7] *Панарин С.* Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность [редкол.: В.И. Дятлов и др.]. — М.; Иркутск: Наталис, 2005.
- [8] *Михалев А.* Российские учителя в Монголии // Диаспоры. «Миграции и диаспоры к востоку от Урала». — 2006. — № 1. — С. 11—35.
- [9] *Baabar B.* Dzieje Mongolii // Wydawnictwo Akademickie «Dialog». — Warszawa, 2005.
- [10] *Bauman Z.* Liquid modernity // Theory, Culture & Society. — 2000. — № 1.
- [11] *Heissing W.* Der Mongolische Kulturrewandel in den Hsigan Provinzen Vandshjkuos. — Wein, Paking, 1944.
- [12] *Murch T.* Nomadismus und Sesshaftigkeit bei den Burjaten. — Frankfurt am Main, 2006.
- [13] *Оюунтунгалаг А.* Монгол лсын бурядууд (Буряты Монголии) // Монгол лсын Боловсролын Их сургууль Багшийн Сургууль. — Улаанбаатар, 2004.
- [14] Интервью с Чинзориг Базыргур. Исследовательский дневник автора. — Улан-Батор, 2006.

BURYATS OF RUSSIA, CHINA AND MONGOLIA: PROBLEM OF IDENTITY AND ITS INTERPRETATION

M.S. Romanova

Federal and National Relations Chair
The Russian Academy of State Administration
Vernadsky Av., 84, Moscow, Russia, 119606

Author is studying the identity of divided ethnos and estimating the possibility of political mobilization.

Key words: Russia, China, Mongolia, the Buryat-Mongolian ethnic group, Mongolian yastan, ethnic culture.